

салъ: „мы народъ вчерашняго дня, и однако же мы наполнили всякое принадлежащее вамъ мѣсто — города, острова, замки, поселенія, собранія, ваши собственный лагерь, ваши племена, общества, дворецъ, сенатъ, форумъ. Мы оставляемъ вамъ только ваши храмы. Мы можемъ сосчитать ваши войска; численность наша въ одной провинции будетъ больше“. (Дж. Робертсонъ 1 ч. 72 стр.). Онъ же, перечисляя народы, принявше Евангеліе, поименовываетъ кромѣ тѣхъ, которые не присутствовали въ Иерусалимѣ въ великій день Пятидесятницы, — туліанъ, мавровъ, испанцевъ, галловъ, британцевъ; за предѣлами римскаго владычества — сарматовъ, докійцевъ, германцевъ скивоовъ (тамъ же стр. 141). Св. Іустинъ мученикъ писалъ: „не существуетъ народа греческаго или варварскаго или какого нибудь другаго рода людей, какими бы названіями или обычаями они ни отмѣчались, какъ бы ни были невѣдомы въ искусствахъ или земледѣліи, живутъ ли они въ палаткахъ или странствуютъ въ покрытыхъ телѣгахъ, среди которыхъ молитвы и благодаренія не возносились бы, во имя Распятаго Іисуса, Отцу и Творцу всѣхъ вещей“ (тамъ же 140 стр.).

Свящ. Алексѣй Луцкий.

(Продолженіе будетъ).

Символико-аллегорическія изображенія въ древне-русской иконописи.

(Продолженіе).

2) Икона „Трѣипостасное Божество“.

На этой иконѣ Богъ Отецъ изображенъ во весь ростъ въ полномъ святительскомъ облаченіи; правою рукою Онъ благословляетъ, а въ лѣвой держитъ опущенный мечъ. Въ лонѣ Отца (на груди) — Сынъ, воссѣдающій въ видѣ молодого воина въ доспѣхахъ и съ мечемъ на крестѣ⁷⁾, на

⁷⁾ Подобныя изображенія Іисуса Христа начали проникать къ намъ въ XV—XVI в., это была совершенно новая черта въ нашей иконографіи, которая (черта), по словамъ проф. Голубцова, переноситъ насъ въ самую раннюю пору иконографіи креста Христова и представляетъ повтореніе одной подробности древнѣйшаго типа идеальныхъ распатій. Какъ извѣстно, древніе христіане долго не изображали распатія Христова въ собственномъ видѣ и поэтизировали этотъ сюжетъ разнаго рода комбинаціями, замѣнявшими прямое изображеніе Распятаго. Къ числу этихъ комбинацій при-

которомъ распятъ серафимъ съ бѣлыми крыльями⁸⁾. По обѣ стороны Бога Отца нарисовано по одному ангелу, при чемъ у одного изъ нихъ небольшой кругъ съ сидящимъ на немъ крылатымъ младенцемъ, а у другого—опрокинутый сосудъ, изъ котораго вверхъ ногами летить въ бездну діаволь.

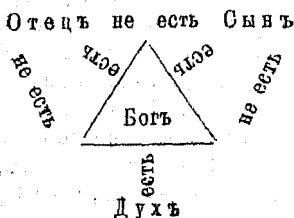
3) Икона Спасителя съ тремя лицами и четырьмя глазами, но съ одной головой⁹⁾.

4) Икона „*Единородный Сыне Божій*“¹⁰⁾. Вверху иконы помѣщено изображеніе ветхозавѣтной Троицы, а ниже—Господь Саваоѳъ въ видѣ старца. Духъ св. въ видѣ голубя покоится въ нѣдрахъ Отца,

надлежало изображеніе Христа въ медальонѣ на верхнемъ отрогѣ креста или по срединѣ его, въ мѣстѣ пересѣченія поперечной его части съ продольною, а для выраженія идей торжествующаго Христа изображали Его въ идеальномъ типѣ—молодымъ, безбородымъ, въ юношескомъ возрастѣ, безъ отхоженія къ дѣйствительнымъ лѣтамъ Его жизни. (Изъ исторіи древне-русской иконописи „*Душен. Чтеніе*“ 1897 г., 566—567). Въ изображеніи же на описываемой иконѣ Христа возсѣдающимъ на крестѣ, юнымъ, молодымъ нужно видѣть не что иное, какъ повтореніе обоихъ приемовъ древняго христіанскаго искусства въ его стремленіи къ идеализаціи распятія Христова.

⁸⁾ „Подобной замѣны распятаго Христа серафимомъ въ древне-христіанскомъ искусствѣ, говорятъ проф. Голубцовъ, не встрѣчается, но она имѣла отношеніе къ тогдашнимъ христо-логическимъ спорамъ о духовномъ тѣлѣ Іисуса Христа, недоступномъ будто бы страданію и смерти и получила права гражданства въ позднѣйшемъ искусствѣ Западномъ“ (Тамъ же, стр. 568).

⁹⁾ Подобныя изображенія Св. Троицы, по мнѣнію проф. Н. Покровскаго („*Цер. Арх. Музей при СІВ. Дух. Академіи*“, стр. 98), появились къ намъ съ запада не ранѣе XVIII вѣка. Западная богословская средневѣковая мысль, стараясь постигнуть и наглядно изобразить таинственнѣйшій изъ христіанскихъ догматовъ, даетъ намъ различныя изображенія Св. Троицы: то подъ формою трехъ взаимно соединенныхъ круговъ, то въ видѣ трехъ смѣшанныхъ треугольниковъ, то одного треугольника, вписаннаго въ кругъ и т. под. Къ этому разряду попытокъ реализовать догматъ Св. Троицы несомнѣнно относится и рассматривая нами икона. При чемъ нерѣдко къ такому изображенію наши иконописцы присоединяли пояснительныя надписи. Такъ, напр., на одной среди другихъ подобныхъ иконъ Кіевского Ц.-Арх. Музея равенство и различіе Лицъ Божества графически изображено на груди трехлицаго Христа слѣдующимъ образомъ:

¹⁰⁾ № 4466 (Кіев. Ц.-Арх. Музей). Сюжетъ „*Единородный Сыне*“ имѣетъ нѣсколько вариаций, которыя отличаются между собою въ несущественныхъ деталяхъ. Относится къ XVII.

Который правой рукою держитъ кругъ съ символами Евангелистовъ¹¹⁾, а въ лѣвой—другой большой кругъ, въ которомъ возсѣдаетъ на херувимахъ Единородный Сынъ въ юношескомъ возрастѣ. Изъ усть Саваоа исходитъ дыханіе наподобіе луча, который, пройдя чрезъ небольшой шарикъ, развѣтвляется на три малые луча, идущихъ къ Богородицѣ, имѣющей въ своихъ нѣдрахъ Младенца. По сторонамъ Бога Отца два ангела держатъ солнце и луну, изображенныхъ въ видѣ человѣческихъ ликовъ¹²⁾. На лѣвой сторонѣ нарисована Богородица, а у Ея груди Младенецъ въ обнаженномъ видѣ; на лѣвой—изображены: Василий Великій, Іоаннъ Златоустъ и Григорій Богословъ, а передъ ними чаша съ летищемъ въ ней нагимъ младенцемъ.

Внизу иконы, посрединѣ помѣщенъ сюжетъ «Не рыдай Мене, Мати», слѣва—въ видѣ скелета смерть съ косою въ рукѣ и со стрѣлами въ колчанѣ за спиною; она ѣдетъ на львѣ по трупамъ умершихъ, къ которымъ со всѣхъ сторонъ сметаются птицы и сбѣгаются звѣри. Спаситель на крестѣ въ воинскихъ доспѣхахъ и съ мечемъ, при чемъ крестъ нижнимъ концомъ внѣдряется въ животъ діавола. Остальные демоны въ ужасѣ разбѣгаются¹³⁾.

5) Не менѣе оригинальна по своей композиціи и икона Кіевскаго Археологическаго Музея № 142. На ней художникъ изобразилъ Богородицу съ Младенцемъ во чревѣ, при чемъ изъ усть Бога Отца исхо-

¹¹⁾ Четыре евангелиста, обыкновенно, изображаются подъ эмблемою четырехъ крылатыхъ фигуръ: челоука, льва, тельца и орла. Первый типъ таого символа падаетъ у пророка Іезекіиля (гл. 1), потомъ онъ встрѣчается въ Апокалипсисѣ (IV, 6—7). По мнѣнію бл. Августина и Іеронима каждый изъ этихъ символовъ указываетъ на какую нибудь черту характера того или другого евангелиста; по мнѣнію же Амвросія Медиоланскаго символическія животныя напоминаютъ различныя обстоятельства земной жизни Іисуса Христа. Въ самой же глубокой древности евангелисты символически изображались въ видѣ четырехъ рѣкъ большого рая. Каждую рѣку усвоили одному изъ евангелистовъ: Геонъ, что значитъ земной—Матвею, Тигръ (быстрота)—Марку, Евфратъ (обиліе)—Лука и Фисонъ (вдохновеніе)—Іоанну. (См. Подольскія Епарх. Вѣд. 1874 г. „Объ украшеніи христіанскихъ храмовъ священными изображеніями“).

¹²⁾ Объясненіе этихъ символовъ будетъ дано ниже.

¹³⁾ Разсматриваемая икона есть ни болѣе ни менѣе, какъ иллюстрація къ словамъ извѣстной богослужебной пѣсни „Единородный Сынъ“... Центральной ея идеей служить идея искупленія рода человѣческаго. Христосъ, Сынъ Божій, воплотившійся отъ Пресвятой Дѣвы Маріи, есть Агнецъ Божій, взявшій на себя грѣхи міра, умершій на крестѣ, но и крестомъ побѣдившій смерть и ея виновника—діавола,—такое краткое содержаніе иконы „Единородный Сынъ“...—Для усиленія догмата искупленія весьма оригинальную композицію представляетъ описанная въ ст. проф. Н. Покровскаго „Благословеніе Пр. Б-цы въ наметникахъ иконографіи преимущественно византійской

дить дыханіе и въ немъ Духъ Святый въ видѣ голубя, направляющагося въ утробу Богоматери¹⁴⁾.

6) Икона „Ты еси іерей во зѣки“¹⁵⁾

На этой иконѣ среднюю часть занимаетъ земной шаръ, окруженный двумя лучистыми сферами. Въ верху иконы—Господь Саваоѣ въ архіерейской одеждѣ и царской коронѣ съ обѣими благословляющими руками. Въ нѣдрахъ Саваоѣ—Еммануилъ. Ниже, на восьмиконечномъ крестѣ изображенъ распятый серафимъ; внизу подъ крестомъ—Адамова голова и двѣ кости, а по угламъ—символы евангелистовъ.

7) Подобное же изображеніе находимъ мы среди снимковъ въ атласѣ В. П. Лихачева¹⁶⁾ (№ 613) подъ именемъ: „ты еси царь прежде всѣхъ зѣкъ“. Богъ Отецъ и здѣсь изображенъ въ архіерейскихъ одеждахъ, въ лонѣ Его—Еммануилъ, по сторонамъ—солнце и луна въ ликахъ, а подъ ногами—черепъ. Сверху иконы надпись: «ты

и русской“ (Хр. Чт. 1891, т. I) икона Благовѣщенія, принадлежащая кисти русскаго мастера XVIII в. На этой иконѣ Богоматерь изображена въ царской коронѣ, въ роскошныхъ палатахъ; на груди Ея Младенецъ—Христосъ, а подъ ногами—драконъ. Между Богоматерью и Архангеломъ художникъ изобразилъ гору, а въ ея нѣдрахъ человѣчскій черепъ. Вверху надъ палатами—Богъ Отецъ и Св. Духъ. Мысль иконы, согласно помѣщенной на ея оборотѣ надписи, такова: Благовѣщеніе есть „главизна“ нашего спасенія, или начальный актъ искупленія; при этомъ авторъ сопоставляетъ искупленіе паденію. Тотъ змѣй, который вѣкогда прельстилъ Еву, здѣсь копируется ногами, первая жена, будучи матерью всѣхъ живущихъ, стала рабою грѣха, Богоматерь-же Царица, избавляющая людей отъ грѣха „Мати сущи Живота“. Въ нѣдрахъ земли черепъ—символь смерти, а въ нѣдрахъ Богоматери—„несѣкомой горы“—источникъ жизни—Христосъ.

¹⁴⁾ При написаніи этой иконы художникъ, очевидно, былъ занятъ мыслью, какъ можно рельефнѣе изобразить безсѣмянное зачатіе Христа. Отцы собора 1667 г. запретили такія изображенія Богоматери, почитая ихъ благочестивою, но ни на чемъ не основанною, фантазіей иконописца. „Еще же, говоритъ соборное опредѣленіе, пишутъ въ иконахъ святому Благовѣщенію то же Саваоѣ, иже отъ устъ дшетъ, и то дыханіе идетъ во чрево Пресвятыя Б-и, и кто то видѣ, или кое писаніе о семъ свидѣтельствуеъ и откуда сіе взято? Явственно есть, яко таково обычай и ино подобныя отъ нѣкоторыхъ суетумрыхъ или паче рещи буетумрыхъ и безумныхъ пріятися и обыче. Сего ради повелѣваемъ отнынь то суетумріе да престанетъ“ (Кн. Соб. дѣлій 1667 г. л. 28 обор.). По мнѣнію проф. Булаева подобныя изображенія Благовѣщенія появились у насъ въ противовѣсъ еретическому ученію Запада, по которому зачатіа Христа совершенно не было, но въ утробу Маріи былъ данъ Младенецъ съ неба въ моментъ Благовѣщенія (Сочин. т. I, стр. 175).

¹⁵⁾ Описываемая икона относится къ XVII вѣку и хранится въ Сибирскомъ Археологическомъ Музеѣ.

¹⁶⁾ „Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія“. Атласъ снимковъ т. I и 2-я.

еси царь прежде всѣхъ вѣкъ въ родъ и родъ во вѣкъ вѣка. Отецъ въ Сынѣ. Сынъ въ Отцѣ со Святымъ Духомъ.... во свѣтѣ свѣтъ и при крестѣ пообтитель (?) и во тмѣ свѣтъ»... А внизу: «возносите Господа Бога нашего и поклоняйтесь подножію ногу Его, яко свято есть. Свѣтомъ трисолнечнымъ просвѣщающій міръ»¹⁷⁾.

8) Особенною сложностью сюжета, а вмѣстѣ и обиліемъ аллегорій отличаются изображенія: „*Страшнаго суда*“.

Обыкновенно, центральное мѣсто на картинахъ страшнаго суда занимаетъ «знаменіе Сына человѣческаго» — крестъ и Христось, сидящій на облакахъ¹⁸⁾. Иногда рисуется престолъ и на немъ разгнутая книга; по всей же картинѣ извивается громаднѣйшій змѣй, голова котораго достигаешь самыхъ высокихъ облаковъ; на тѣлѣ змѣя, въ видѣ надѣтыхъ на него колець, помѣщены надписи человѣческихъ пороковъ. Подъ «знаменемъ» обыкновенно помѣщаются вѣсы, какъ символъ правосудія Божія. Иногда вѣсы эти держитъ рука (кисть), выходящая изъ облаковъ, а надъ чашками вѣсовъ помѣщаются надписи: надъ лѣвой — «кривда», а надъ правой — «правда». Два діавола стараются перетянуть лѣвую чашку внизъ, но это имъ не удается. Внизу по угламъ расположены рай и адъ; при чемъ послѣдній, обыкновенно изображается въ видѣ чудовища съ раскрытою пастью, которая поглощаетъ грѣшниковъ. Средину нижней части картины занимаетъ изображеніе воскресенія мертвыхъ, при чемъ нерѣдко рисуется здѣсь и сама смерть (человѣческой скелетъ), побѣжденная и повергнутая на землю. На лѣвой сторонѣ нижней части картины изображаются падающіе въ бездну бѣсы и опрокинутый столъ, символизирующій паденіе царства демоновъ¹⁹⁾.

9) Не менѣе интересна по своей композиціи и содержанію икона Спасителя „*Недреманное око*“.

¹⁷⁾ Смыслъ обѣихъ иконыхъ (№№ 6—7) одинъ и тотъ же, именно: художникъ изображаетъ на нихъ божественное достоинство Іисуса Христа, Его предвѣчное рожденіе отъ Бога Отца, изображаетъ Его, какъ Царя (корона) и какъ Первосвященника („великаго Архіерея“), принесшаго Себя въ искупительную жертву за грѣхи людей и поправшаго смерть (черепъ).

¹⁸⁾ Сюжетъ, несомнѣнно, взятъ изъ Евангельскаго повѣствованія о второмъ пришествіи Христа на землю.

¹⁹⁾ Обстоятельное изслѣдованіе „*Страшнаго Суда*“ даетъ проф. Покровский въ своей статьѣ „*Страшный Судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства*“ (Труды VI Арх. Съѣзда, т. III),

На имѣющейсѣ въ Кіевскомъ Церк.-Арх. Музеѣ подобной иконѣ (№ 2680) Христосъ-Младенецъ изображенъ спящимъ на крестѣ, который лежитъ на землѣ; въ рукахъ у Христа трость, а около разбросаны орудія казни и страданій: молотокъ, гвозди, копье, губка, сумка съ деньгами и проч. Надъ головою спящаго Младенца нарисованъ пѣтухъ ²⁰).

10) Икона Св. Іоанна Предтечи *крылатого*, при чемъ въ лѣвой рукѣ пророка свитокъ ²¹), а въ правой сосудъ съ отсѣченною собственною же головою ²²).

(Продолженіе будетъ).

Нѣкоторыя наставленія и назиданія новаго нашего Архипастыря Преосвященнѣйшаго Никодима, Епископа Астраханскаго и Енотаевскаго, Полоцкому духовенству, благопотребныя духовенству всѣхъ епархій.

Въ Архипастырской бесѣдѣ своей съ депутатами Полоцкаго Епархіяльнаго Съѣзда духовнаго Преосвященнѣйшій Епископъ Никодимъ (15 сент.

²⁰) Икона эта имѣетъ нѣсколько варіацій; иногда спящему предстоятъ — у ногъ ангель, а въ головахъ Богоматерь (икона № 4667 Кіев. Арх. Музея), иногда предстоятъ только Богоматерь (тамъ же — икона № 2602) и проч. Общая же мысль настаивающаго изображенія всегда одна и та же: художникъ хотѣлъ изобразить, что мессіанское сознаніе было и у Христа Младенца, что Ему уже въ дѣтствѣ со всею ясностью и подробностью предносились въ сознаніи тяжелые часы страданій за міръ на крестѣ

²¹) Эмблемы проповѣди и покаянія. Святки были въ употребленіи древнихъ народовъ, — Евреевъ, Египтянъ, Грековъ, Римлянъ и служили знакомъ ораторскимъ Свитокъ изображали и первенствующіе христіане, только сообразно съ духомъ новой религіи придавали ему особенное значеніе, именно, какъ символа учительства. Поэтому со свитками по преимуществу изображались апостолы и епископы.

²²) Снимокъ съ подобнаго изображенія Предтечи находится подъ № 31 въ „Описаніи“ СПб. Церк.-Арх. Музеѣ проф. Н. Покровскаго. Икона, съ которой сдѣланъ этотъ снимокъ, по мнѣнію профессора относится ко второй половинѣ XVII в., мотивомъ же къ изображенію Крестителя съ крыльями ангела послужили слова Евангелія (Мат. XI, 10; Лк. VII, 27 и др.), указывающія на ангельскую миссію. „Въ основаніе крылатому типу Предтечи, говоритъ проф. Вуслаевъ, наша иконопись приписываетъ Евангелійскій текстъ: „якоже писано въ пророчѣхъ: се азъ посылаю Ангела Моего предъ Лицемъ Твоимъ, иже уготовитъ путь Твой предъ Тобою“ (Мр. I, 2). Такъ какъ въ дѣяніяхъ Предтечи, т. е. въ Крещеніи и въ другихъ событіяхъ его жизни этотъ типъ не употребляется и пишется Предтеча обыкновенно безъ крыльевъ..., то этотъ крылатый типъ долженъ означать Іоанна Предтечу, уже не какъ лицо историческое, а какъ священный идеалъ, вознесенный изъ здѣшняго житія въ горній міръ, существо небесное ангельское. Поэтому, не подчиняясь законамъ природы, онъ имѣетъ двѣ головы: одна на немъ, другую держитъ онъ въ сосудѣ или на блюдѣ въ рукѣ, или же, какъ лицо символическое, имѣетъ въ чашѣ лица въ видѣ Предвѣчнаго Младенца“ (томъ I, 143—147).